

Вдохновенный дар творчества Т.Н. Яблонской

Воспоминания о встречах с мастером

Братанюк В.И.

Россия

vbratanyuk@mail.ru

Апрель, 2021

«Сквозь дымку туманной поэтической пелены художник осмысляет красоту природы. Как будто изнутри запоёт какое-то волшебное состояние, и обычные живописные пятна озаряются божественным сиянием. Это, наверное, и называется вдохновением» – так как говорила мне Татьяна Ниловна Яблонская (1917-2005).

Выдающаяся украинская художница, прекрасный живописец, понимавшая самую суть и смысл творчества. Она была блестящим мастером, выдающимся педагогом. Надо сказать несколько слов о педагогической преемственности и об учителе Яблонской. Татьяна Ниловна училась у Фёдора Григорьевича Кричевского (1879-1947), который воспитал целое поколение живописцев: В. Костецкого, Г. Мелихова, С. Григорьева – его мастерская была самой многочисленной. В 1896 году Кричевский поступил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1896—1901). Здесь, по признанию самого художника, наибольшее влияние оказали на него Абрам Архипов и Валентин Серов. Далее своё художественное образование он решил продолжить в Петербурге, в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств, и в 1907 году поступил в класс баталиста Ф. Рубо. За картины «Погребение» и «Невеста» получил звание художника. С 1911 года, будучи пенсионером Академии Художеств, Кричевский учился в Вене у Г. Климта, много путешествовал по Европе. В 1913 году вернулся в Киев и начал преподавать в Киевском институте, директором которого стал в 1914 году. И.Е. Репин считал Кричевского человеком больших способностей, в дальнейшем он писал о нём К. Чуковскому: *«Удивительно, как мало мы ценим своих замечательных людей»*.

Но вернёмся к судьбе Яблонской. Красочный мир творчества Татьяны Ниловны озаряет, пленяет души людей. Каждый новый этап творческих исканий художницы предшествует новаторским тенденциям искусства и созвучно со временем. С 1935 по 1941 год Татьяна Ниловна училась в Киевском институте. В мастерской Кричевского она постигала профессиональное отношение к живописи: к цвету и конструкции формы, - которые являются основой пластического мышления художника. Как вспоминала сама Татьяна Ниловна, её индивидуальность проявилась ещё в студенческие годы, в картинах «Старуха с рыбой», «Над Днепром», «Женщины с коромыслом», «Доярка», «Колхозная свадьба», «Возвращение с сенокоса». На республиканской художественной выставке в 1945 году она показала свою картину «Враг приближается», и эта работа оказалась одной из лучших в экспозиции по глубине трактовки темы войны. И в дальнейшем творчество Татьяны Ниловны будет проникнуто чувством утверждения добра, высоких эстетических и моральных ценностей. Её живопись радуется возрождением после войны, ароматом свежевспаханной земли, красотой цветущих деревьев, это чувствуется в картинах: «Вечер на Днепре», «Зимнее окно».

Впечатления о творчестве Татьяны Ниловны у меня появились ещё во время учёбы в одесском училище им. Грекова, где наш учитель Тамара Ивановна Егорова рассказывала нам о своей наставнице Т.Н. Яблонской, вдохновившей её на занятия живописью. Отчётливо помню, как Тамара Ивановна показывала этюд Яблонской «Женщина в платке» и картину «Хлеб», а мы с восхищением рассматривали репродукции её работ в альбомах старейшей библиотеки училища. Много добрых слов в адрес Татьяны Ниловны я слышал от своих учителей и других

художников: Божия К.М., Ломыкин Л.М., Павлюк Ю.Г., Ряснянского М.А. Яблонская покоряла и поражала своей необычайной любовью к искусству. Коллеги отмечали её выразительный рисунок, единство живописного тона и настроения. Очень радостно нам, студентам, было слышать хорошие воспоминания от наших учителей о знаменитой и уникальной киевской художнице Т.Н. Яблонской, и ощущать эту незримую преемственность.

Будучи на третьем курсе одесского художественного училища, я решил поступать в Киевский институт, но эта мечта осуществилась только после службы в советской армии. По рекомендации Т.И. Егоровой решил познакомиться с Татьяной Ниловной, посетить мастерскую, показать свои работы и получить отзыв. Эта встреча меня сильно взволновала и многое изменила в жизни. С Татьяной Ниловной мы встретились в её мастерской, недалеко от института, где располагались мастерские ректора и многих других художников. Татьяна Ниловна предложила мне посмотреть стеллаж с этюдами. Я был потрясён неиссякаемой любовью к Природе, льющейся с этих картин. Там были этюды с цветущим льном, с убегающими вдаль просёлочными дорогами, с полями, где зреет рожь – все они были проникнуты тонкой задушевностью, чудесны по колориту и удивительны в лёгкости исполнения. Татьяна Ниловна спросила меня, как работы, что особенно понравилось. Я отметил несколько этюдов и, конечно, картину «Хлеб» - всё это, по словам художницы, было написано в молодости, в деревне Литава.

Было заметно, что в своих картинах Татьяна Ниловна обращалась и к национально-романтическим мотивам, изображая славянские белые с вышивкой одежды («Вечер на Днепре», «Лён»). Она обмолвилась, что

её поездки в Армению, Полесье, Закарпатье, в Москву обогатили её творчество, и, в то же время, открыли любовь к своему, родному, народному искусству. Татьяна Ниловна затронула и впечатления об Италии, которую посетила в 1956 году. Я увидел прекрасные, яркие работы, написанные маслом и акварелью, с видами итальянской природы, Флоренции и Рима.

Но хочу сказать ещё несколько слов о картине «Хлеб», ставшей особой вехой в жизни художницы. Именно эта работа возродила во мне живые воспоминания о селе Лажева – древнейшем поселении, существующем с византийских времён, славящимся своими уникальными традициями и ремёслами. Там я работал на току, просеивал зерно в мешки в сезон сбора богатого урожая. Работа шла и днём, и ночью, в две смены работали комбайны, было пыльно, шумно как в улье и радостно! И вот эти забытые ощущения приятного труда я нахожу в картине Татьяны Ниловны. Солнечный свет, проработанный с натуры, разгорячённые и улыбающиеся лица колхозниц – всё в настроении оптимизма и трудового тонуса послевоенных лет.

Рассказ Татьяны Ниловны был очень красив и образен, она знала много стихов и песен, в общении она оказалась очень открытой и искренней. И в своих советах молодым художникам часто находила нужный образ через выразительную цитату, поэзию, песню. Она считала именно вдохновение самым важным, ключевым моментом в творческом процессе. Как только природа или натура рождали трепещущее в душе чувство, надо ловить момент, не упускать это состояние и писать как можно скорее.

В своих рекомендациях она всегда обращала внимание на живое рисование, без которого нельзя по-настоящему найти пропорции,

движение и характер своего живописного замысла. Татьяна Ниловна всегда советовала делать быстрые зарисовки с натуры на любой бумаге и любыми инструментами, без подробных деталей, учась схватывать сиюминутный момент. Аналитический метод, по её мнению, был вреден для молодых художников и подходил только для сформировавшихся мастеров, у которых хорошо развито воображение. Если к этому методу обращался начинающий художник, то есть опасность, что в его рисунках вместо живых людей появятся безликие деревянные манекены. Татьяна Ниловна предостерегала от этой серьёзной ошибки.

Татьяна Ниловна говорила, что в своих работах стремилась восстанавливать опыт и переживания именно через пятна краски, то есть, по сути дела, она двигалась в сторону импрессионизма. Но в то время импрессионизм и такие французские мастера как Роден, Моне, Ренуар – были запрещены, их живописный подход считался губительным, а манера поверхностной. В своей картине «Перед стартом» 1947 года Татьяна Ниловна обращается к будничному, обыденному, ничем не примечательному на первый взгляд сюжету. Но, выхватывая мотив и эмоции, наполняя композицию солнечными бликами и морозным воздухом, она передаёт сиюминутное ощущение молодости, движения, азарта – всего того, что созвучно ей, и близко и понятно зрителям.

Также и в своей знаменитой картине «Хлеб», 1949 года, по её же воспоминаниям, Татьяна Ниловна использовала опыт импрессионистической живописи. Правду и восторг жизни она передала через тёплые оттенки зерна, контрастно синие юбки,

ослепительно белые пятна платков и сорочек. И именно из-за этого новаторского живописного решения картина имела большой успех, став хрестоматийной вехой соцреализма в изобразительном искусстве. Это было первое полотно, принесшее ей славу первоклассного живописца, ознаменовавшее новый этап в творческой деятельности зрелого мастера.

Приехав поступать в ленинградский институт им. И.Е. Репина, я решил обратиться за советом по композиции к знаменитому художнику Е.Е. Моисеенко. Евсей Евсеевич, узнав о том, что я с Украины, очень тепло отзывался о творчестве Татьяны Ниловны, говорил, что она была самая красивая художница во всём СССР, рассказывал, что её картины всегда становились событием в творческом мире художников. С.Д. Кичко, преподаватель в мастерской Моисеенко, присутствуя при этом разговоре, добавил, что его отец, Д.Д. Кичко, прекрасный художник Днепродзержинска, тоже учился у Ф. Кричевского и всегда с вдохновением вспоминал о Яблонской, подчёркивал, что её картины были ориентиром для всех живописцев Украины.

Татьяна Ниловна много рассказывала об общении с С.А. Пластовым, который делился с ней своими наблюдениями о мудрости народной жизни. Особенно ей нравилась его картина «Жатва», она подробно говорила о пятне холодной воды, плещущейся в ведре и о жадно пьющем мужчине в кумачовой рубахе, считая этот момент превыше всех достижений в живописи того времени. Она считала, что никогда не достигала таких высот как Пластов, похвалы мешали ей, из-за них она не всегда могла сосредоточиться. Так, например, ей нравилась картина «Утро» по замыслу, но не устраивала по живописи.

В эти моменты помогали и вдохновляли друзья-художники: Волобуев, Эрдели, Коцки, Манайло, Шолтес, Божий, Глюк, Ломыкин и другие. По словам Татьяны Ниловны, их искусство очень повлияло на неё и часто позволяло выбираться из творческих тупиков.

С большим интересом Татьяна Ниловна рассказывала о творчестве своего ученика и моего учителя М.А. Ряснянского. Она ценила в нём следование ценностям истинного искусства, отмечала его работоспособность и талант. Также она с восторгом говорила о К.М. Ломыкине, о его мастерстве, о неповторимых качествах культуры письма, хвалила его тончайшие градации тона, особенно ей нравились его картины «В утренней дымке», «Замело», «Последний снег», «Девочки с курами» - во всех его работах чувствуется яркий свет, растворённый в прозрачном воздухе.

Много впечатлений у Татьяны Ниловны осталось от работы на пленэрах в Карпатах, (в селе Апша, Солотвинского района). Поиски мотива были днём, а создание рисунка - по вечерам. Румынские сёла, яркие народные костюмы, удивительной красоты архитектура – всё было необычайно выразительно в её работах. Именно тогда Татьяна Ниловна увлеклась народным искусством лубка, декоративными мотивами, локальными цветами, синтезом чувств и обобщёнными образами. И, будучи натурой страстной, идущей до конца в своих поисках, она на время поверила, что найденная формула живописи и есть настоящее, новое слово, лучше всего отражающее её самобытное дарование. Казалось, что классика изжила себя совсем и навсегда. Прозрение пришло позже, по её же словам, как только появилась картина Задорожного «На месте минувших боёв», она поняла, что в её живописи всё дошло до пошлой стилизации. Но и среди картин этого

периода были хорошие: «Лето», «Вдовы», «Чайная». После этого увлечения народным, декоративным искусством 50-х годов, Татьяна Ниловна вернулась к истокам, к восстановлению глубокой и серьёзной живописи, появились такие картины: «Безымянные высоты», «Отдых». По её словам, толчком к возврату к классике, к духовной искренности в выражении своих замыслов послужила как раз поездка в Италию в 1972 году. Именно тогда она увидела подлинные работы Пьеро дела Франческо, Мазаччо, Гоццоли, Мантеньи, Гирландайо и многих других замечательных художников Ренессанса. Приехав домой, посмотрев на свои работы и работы коллег, она вдруг ощутила бессмысленность, эпатажность, стремление «засветиться», показать себя, отличиться. Ей очень хотелось верить, что это неправда, что тлен и разложение ей мерещатся, и всё не так плохо. Она верила в то, что искусство нужно людям, его функция не только в том, чтоб давать отдых от повседневной суеты, но главное: облагораживать душу, духовно поддерживать, пробуждать мысли и чувства в человеке, наполнять гармонией единения с природой, добром и красотой, иначе человек превратится в дикаря.

По моим впечатлениям, картина «Старая Флоренция», написанная под влиянием старых мастеров, стала переломом в живописи Татьяны Ниловны. Потом родилась картина «Во Льне» - чистое, светлое произведение, через которое не только художник-творец, но и коллеги, зрители – все почувствовали возрождение Яблонской, её обращение к истокам. Татьяна Ниловна работала над возвращением цвета, плотности тона, стремилась вновь к весомым работам, отходя от декоративности и легковесности. По словам художницы, восстанавливать себя было трудно и мучительно, она работала до мокрой спины, до слёз!

Продолжая молиться, упорно трудиться и не сдаваться, она вернулась к прозрению и возрождению своей живой, красивой живописи.

С особой культурой письма краска на холсте превращается в жемчуг и бриллианты. Эти живописные качества, как милость Божья, возникают не каждый раз. Трудно описать эти по-настоящему ценные и легко утрачиваемые умения Мастера. Татьяна Ниловна сожалела, что эти качества в её творчестве были потеряны двадцать, тридцать лет назад, тогда, когда у неё было больше сил и здоровья; она раскаивалась в том, что забыла святыне ощущения настоящей живописи, которые и создают картины с подлинной духовной ценностью. Много бы она изменила в своём творчестве тогда...

В конце лета 1992 года, я уже был студентом второго курса Института им. И.Е. Репина, у меня снова состоялось общение с Татьяной Ниловной. В телефонном разговоре она приглашала меня на выставку Г. Мелихова: *«Приезжайте, Вася, Вам тут будет интересно и поучительно!»* На выставку в Киев я приехал из Староконстантинова со своей мамой. Посмотрев выставку, мы зашли в киевский музей изобразительных искусств, где Татьяна Ниловна рассказывала подробно о своих любимых художниках и их картинах: Н.К. Пимоненко, Ф.Г. Кричевском, П.А. Левченко, и об ученике И.Е. Репина А.А. Мурашко. После мы пошли в кафе, все вместе разговаривали и делились впечатлениями. Мама говорила мне, что этот разговор ей надолго запомнился и даже вдохновил самой начать писать картины.

Летом 1993 года М.А. Ряснянский позвал нас, студентов, на творческую дачу в Седнев, под Черниговом. Таня Михайлова, Виктория Ряснянская и я, мы много работали, вдохновляясь прекрасными видами Полесья. Там я снова встретился с Т.Н. Яблонской. По утрам мы

ходили плавать на реку Снов, где вода была так холодна, что я сразу выпрыгивал, а Татьяна Ниловна легко проплывала метров триста туда и обратно.

Там же, в Седневе я увидел много работ Татьяны Ниловны. В одной картине явственно ощущалось утро в тумане, в другой - закатный вечер, похожий на живописные образы Стожарова, с тончайшими переливами красок. С высокого берега прелестной реки открывалась бесконечная панорама лесов и лугов. Рядом была деревня, живописно раскинувшаяся на нескольких холмах. Было ощущение, что вот-вот появится князь на коне, из-за кургана появится войско половцев. С давней истории древней Руси эти поля были усеяны льном, здесь росла рожь и пшеница. В лесах было много ягод и грибов, вольно бегали косули, лоси, можно встретить рысь и норку. Самые разнообразные птичьи голоса на все лады слышались в полях и из лесных чащ. Над домом творчества часто пролетали аисты, возвращаясь в свои гнёзда. Именно здесь, в Седневе, известным украинским поэтом Леонидом Глебовым в середине XIX века была написана песня «Стоит гора высокая»:

*Стоить гора высокая
Попид горою гай, гай...
Зэлений гай, густэсенький,
Нэначе справди рай!*

Очень любил эти места и славный кобзарь Украины Тарас Шевченко. Седнев привлекал художников не только украинских и российских, но и со всех бывших республик: Беларуси, Узбекистана, Грузии, Армении, а также художники из США, Франции и Голландии.

Постоянным участником группы художников стала и Т.Н. Яблонская, которая была очарована красотой этих мест, особенно в летние месяцы.

Татьяна Ниловна отличалась от своих коллег художников неутомимостью и потрясающей трудоспособностью. Она хорошо знала этот край и его дальние окрестности, гуляла вдоль берега реки и по полям, возвращаясь не только с этюдами, но и с ягодами- цветами, с которых писала натюрморты утром следующего дня.

Как-то Татьяна Ниловна пригласила меня посмотреть несколько работ, написанных в разных жанрах, но больше всего пейзажей и натюрмортов: цветы в вазе, грибы в корзинке, кувшинки – дары Полесья. Во всех предметах отражался её поэтический мир. В одном из этюдов я сразу узнал и перекошенный домишко, и высокую гору, и белостенные хатки. Изображённые деревья давали ощущение прохлады и влажности, они окутывали дом, в котором днём было свежо даже в жаркий день. Глиняная посуда, приятная на ощупь, ветка со спеющими яблоками, стучащая в окно – всё это придавало дому неповторимый уют. В другом этюде я увидел дремучий лес, удивился, где же такая чаща? Оказалось, что этот лесок Татьяна Ниловна нашла рядом с творческой базой. Вот, что значит художественный взгляд, способный увидеть особый образ в повседневности. Татьяна Ниловна советовала никогда не начинать работу над картиной без зарождения этого манящего, волшебного образа, который рождается неожиданно и освещает божественным светом повседневные мотивы: уголок сада, дом, пространство двора.

В 60-70-е годы Татьяна Ниловна с группой художников ездила в творческую поездку по городам Украины. Были они в Хмельницком, посещали художественный музей Г. Верейского, заезжали в Каменец-

Подольский, заглянули и в Староконстантинов. И. Дерегус писал виды древних руин, на него произвел сильное впечатление полуразрушенная фреска на стене (здание, где тогда находился участок милиции), странным образом сохраняющаяся, несмотря на влажность и отсутствие реставрации. В. Шаталин делал небольшие этюды и зарисовки. Яблонская же восхитилась видом тумана на реке Случи, отражением монастыря, нежными вербами, спускающими свои ветви к воде. Осматривая замок князя Острожского, Татьяна Ниловна задумала написать картины, связанные с событиями жизни Богдана Хмельницкого и князя Острожского. Она говорила, что видит картину большого горизонтального формата, берег реки, и шествие войска князя, его оружия, хоругви и замок вдали. Ещё несколько раз она возвращалась в эти места, делала наброски и эскизы, которые я видел в её мастерской.

Я решил изобразить Татьяну Ниловну в родном и любимом для неё месте, в Киеве на подоле, рядом с её уютной мастерской. Она часто говорила, как любит это место, ощущая преемственность поколений, ведь именно здесь работал её учитель Ф.Г. Кричевский, а затем и А.А. Шовкуненко, ассистентом которого она стала после окончания института. С восторгом и теплотой Татьяна Ниловна описывала пейзажи, открывающиеся из окон мастерской: старокиевские холмы, позолоченные купола древних церквей, перспективы улиц, убегающих вдаль. Я часто делал наброски, писал её за работой. Она любила работать одна, в тайном уединении, наедине со своими чувствами, в тишине и слиянии с природой. Она советовала и мне работать в одиночестве, стараясь не спугнуть вдохновение и не отвлекаться от своего замысла разговорами и посторонними мыслями. В своей

мастерской она находила спокойствие и гармонию, что так необходимо для работы художника.

Татьяна Ниловна виртуозно справлялась с композиционным решением каждой картины, приводя в восторг зрителей своей высокой культурой живописи. Но сама она чаще всего была недовольна результатом и относилась к себе критично. Со стороны я видел, что многие её этюды вполне могут считаться законченными картинами. Я наблюдал за работой Яблонской, за её активной манерой, полной вдохновения и счастья. Очень жаль, что в то время не было мобильных телефонов, или других устройств, чтобы можно было записать видео или разговоры Татьяны Ниловны. Но остались её картины, которые будут радовать нас и по поэтическому наполнению, и по высокому мастерству исполнения. Весь многовековой опыт поэзии, музыки, живописи, танца нужен для того, чтоб человек был полон достоинств и добродетелей, чтобы мир становился лучше, чище и добрее. Здесь каждый может внести свой вклад, свою лепту. Я верю и теперь заветам Т.Н. Яблонской, её звёздная высота ведёт меня по жизни и не даёт потеряться в этом мире.